

ДЕНЬ ТЕАТРА. ЕФРЕМОВ В ГРЕЦИИ

1 октября нынешнего года все мы вспоминали выдающегося режиссера, артиста театра и кинематографа, общественного деятеля **Олега Николаевича Ефремова**.

Можно было бы обратиться к известным театроведам с просьбой написать для нашего журнала портрет Ефремова или обстоятельную статью о нем, но сохранилось, к счастью, так много живых свидетельств, прекрасных книг и статей, что нам показалось — лучше всего, если к тому, что было написано и сказано при жизни Олега Николаевича, что говорилось и писалось за годы, которые мы прожили без него, будет дополнено живым воспоминанием близкого Ефремову человека — **Александра Гельмана**. Не официальный и парадный текст, а теплые и такие нужные всем нам воспоминания...

Олег Николаевич Ефремов очень редко ставил спектакли в других странах. Его, правда, не часто приглашали, но когда приглашали, он, как правило, отказывался. Что-то он мне на этот счет однажды говорил, когда зашла речь, но я сейчас не помню, что именно он сказал, а придумать не хочу.

Тем не менее, об одной его постановке за границей, я хочу рассказать. Это было в 1986-м, летом, это было в Греции, в Афинах. У нас у власти уже был Горбачев.

В атмосфере советской жизни уже что-то изменилось. Мы ведь очень чутки к изменениям в воздухе, которым дышим. Мы не только им дышим, мы его и видим, и слышим. Российское общество самое настроенное, самое бдительное в мире. Правда, это, как правило, бдительность без последствий. Наша бдительность не помогает избежать того, что надвигается. Мы бдительны ни для чего, просто так, у нас этакая любительская бдительность, бдительность для бдительности.

Ставил Олег в Афинах мою пьесу «Наедине со всеми». В этой пьесе всего две роли: муж и жена. В Москве Ефремов и ставил, и играл — с Таней Лавровой. Мхатовский спектакль однажды посмотрели греческие артисты, муж и жена, Костас Казкос и Джени Карези. Им понравилось, они были взволнованы.

В Афинах им принадлежал маленький частный театр, и они пригласили Олега поставить с ними эту пьесу.

Два месяца — июль-август 1986 года Олег Николаевич провел в Афинах. Я ему изредка звонил — каждый раз он говорил, что артисты замечательные. Я их видел всего один раз, когда мы ужинали в ресторане. Джени вся в кольцах, браслетах, серьгах, цепочках, на вид скорей цыганка, чем гречанка, Костас скромный, сдержанный, немногословный солидный грек. Но вдруг выяснилось, что Костас не просто артист, а член ЦК компартии Греции. Выяснилось это, когда

Строится МХАТ. Реконструкция здания в Камергерском. Л. Монастырский, О. Ефремов, А. Гельман

меня с женой пригласили на премьеру, но в Минкульте сказали, что я могу поехать только один. Я попросил Олега поговорить с нашим послом в Афинах. «За чем нам посол, — сказал Ефремов, — когда Костас член ЦК компартии Греции. Я ему скажу, он все сделает». И действительно, буквально через три дня мне позвонили: все в порядке, можете ехать с женой. По просьбе Костаса в Москву звонил их секретарь ЦК.

На этом, однако, взаимоотношения с компартией Греции не кончились. В Афинском аэропорту нас встречал Костас. Я обратил внимание, что он чем-то обеспокоен, что-то его жмет, в глазах какая-то тревожность. Я грешным делом подумал, может, Олег Николаевич «заболел», какие-то перебои в репетициях перед премьерой. Нет, оказалось Ефремов в полном порядке, в отличном настроении, сказал «спектакль, кажется, получается интереснее, чем в Моск-

ве», всем он был доволен, все шло хорошо. Позже я узнал, что все-таки не все шло хорошо, просто от Ефремова кое-что скрывали.

Оказывается, кто-то из секретарей ЦК Компартии Греции прочитал пьесу, и Костасу, как члену ЦК, выразили серьезную обеспокоенность: эта пьеса показывает Советский Союз с дурной стороны. Из-за аморального поведения родителей, мальчик, сын, остался без рук, стал калеккой. Это будет воспринято в Греции как символ горестной, обреченной судьбы молодежи в СССР. Прозвучало пожелание: нельзя ли хотя бы обойтись без отрезанных рук. Костас твердо сказал, что в пьесе ничего менять нельзя — ее в таком виде играют в Москве, в Художественном театре! В Москве, ответили Костасу, социализм непобедим, там можно показывать все, что угодно, а у нас социализм еще должен одержать победу.

Костас больше всего боялся, что об этой истории узнает Ефремов, — реакция Ефремова, как ему казалось, может быть губительной для спектакля, он может сесть в самолет и улететь. От Ефремова до моего приезда эта информация скрывалась.

Тут следует заметить, что Костас и Джени в политическом плане были по разные стороны баррикад. Джени состояла в какой-то правой буржуазной партии, между супругами шли непрерывные острые политические споры. Джени считала, что ничего скрывать от Ефремова не надо, он должен все знать, а Костас должен после этого гнусного разговора покинуть, наконец, эту гнусную партию.

Костас решил со мной посоветоваться: как быть — говорить Ефремову или не говорить. Переводчица, Лариса Сидорова, которая помогала Олегу на репетициях, ввела меня в курс дела. Я сказал Костасу, что Ефремову надо все рассказать, он с такими ситуациями неоднократно имел дело, это не повлияет на его работу, только придаст последним репетициям больший задор.

Должен признаться, я ошибся. Ефремов жутко расстроился. Не в том смысле, что это как-то повлияло на репетиции, на судьбу спектакля. Об этом и речи быть не могло. Он был поражен тем, как греческие коммунисты беспардонно, в полной уверенности в своей правоте, готовы обманывать свой народ относительно того, что происходит в СССР. Это был восемьдесят шестой год, у нас начиналась перестройка, уходила со сцены цензура и нам казалась тогда, что уходит навсегда. А тут в Афинах... елки-палки, в свободной стране, надо же, какие суки. Но в одном отношении Олег случившимся был доволен: обострившиеся разногласия между Джени и Костасом шли на пользу спектаклю. Олег Николаевич обожал, когда события самой жизни — личной или общественной — помогают театру быть предельно выразительным.

На премьеру пришла целая группа чи-

новников компартии. Джени играла в тот вечер просто великолепно: в обличениях своего мужа по пьесе я узнавал всю страстность ее обличений Костаса в жизни. Костас играл несколько слабее, чем на последних репетициях. Он переживал из-за конфликта с родной партией, и это отразилось.

Зрители принимали бурно, долго хлопали. Представители партии тоже аплодировали, но сдержанно. Костас рассчитывал, что они задержатся, будет разговор о спектакле, мы послушаем их, они послушают нас. Он выбежал к ним из-за кулис еще не переодевшись, хотел провести в комнату для гостей, там уже был накрыт стол. Они отказались, сославшись на какие-то дела. Вяло пожали нам руки и ушли. Костас был расстроен. Джени съязвила: они завтра с ним отдельно поговорят. И она снова взялась за свое: неужели тебе не ясно, что после всего этого ты должен плюнуть им в лицо и больше с ними не знаться. На следующее утро в главных газетах Греции были хорошие рецензии, а в газете компартии статья о спектакле появилась только на третий день после премьеры. Рецензия была вежливой, прохладной, и была там фраза о том, что, как и ожидалось, этот спектакль очень обрадовал буржуазную прессу.

Спектакль шел почти каждый день целый сезон. Костас остался в партии, Джени из-за идеологических разногласий на развод не подала. Авторский гонорар составил 30 тысяч долларов, из которых государство оставило мне восемьсот с чем-то. Через три года Олег Николаевич поставил у них в театре «Вишневый сад».

Когда я несколько лет назад был в Афинах, Джени уже не было в живых, рак, у Костаса была новая жена. Он пригласил меня на спектакль «В ожидании Годо», когда мы зашли после спектакля в комнату для гостей выпить по рюмочке, там на стене я увидел большой портрет Олега Ефремова.

Александр ГЕЛЬМАН